

М. А. Киселев

ПРОБЛЕМА ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ НА РУБЕЖЕ 1750-х и 1760-х гг.: К ИСТОРИИ МАНИФЕСТА О ВОЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКОЙ*

Восемнадцатое столетие занимает немаловажное место в истории правящего класса России и его элиты. Именно в это время происходит законодательное закрепление статуса дворянства как главной привилегированной сословной группы империи.

Попытки формально закрепить ту или иную иерархию внутри правящего класса предпринимались еще в XVII в. Так, в 1681–1682 гг. представители боярской аристократии предлагали «создать вместо отжившего местничества новую систему старшинства, относительно независимую от воли царя, путем получения “вечных” наместнических титулов».¹ Кроме того, примерно в это же время шла борьба вокруг принципов составления Родословной книги, в результате которой «старшинство выслуги одержало верх над старшинством родословия».² После петровских реформ первой четверти XVIII в. и событий 1730 г. притязания аристократических родов сошли на нет, а главную проблематику при упорядочивании/определении статуса правящего класса стали составлять права и обязанности единого дворянского сословия.

Важной вехой в процессе законодательного закрепления статуса дворянства стал Мани-

фест о вольности дворянской от 18 февраля 1762 г. История написания и принятия данного законодательного акта до конца не прояснена. Как справедливо отмечает В. П. Наумов, «достоверным фактом является лишь непосредственное участие императора (Петра III — М. К.) в принятии манифеста, а прочие обстоятельства его появления по-прежнему остаются нерешенной загадкой».³ В то же время в историографии, начиная с Г. В. Вернадского, указывалось на связь между принятием Манифеста и деятельностью Уложенной комиссии в 1760–1762 гг.,⁴ когда был поставлен вопрос о закреплении прав дворянства в Уложении. При этом историки основное внимание уделяли главе XXII «О дворянах и их преимуществе» проекта Уложения. Необходимо заметить, что этот документ разрабатывался как целостный законодательный акт, различные книги и главы которого были взаимосвязаны. Таким образом, при работе с этим памятником политической и правовой мысли следует анализировать не только указанную главу, но и другие части, в которых затрагивалась проблема статуса дворян. Только в этом случае можно претендовать на полноту раскрытия вопроса об обсуждении в среде правящей элиты статуса дворян накануне принятия Манифеста от 18 февраля 1762 г. Конечно, потенциал источников, связанных с разработкой XXII главы, еще не исчерпан, и мы планируем коснуться этой темы. Однако в рамках настоящего исследования наше внимание будет сосредоточено на главе IV «О должности родительской» третьей книги проекта Уложения,

¹ Седов П. В. О боярской попытке учреждения наместничеств в России в 1681–1682 гг. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1985. Вып. 2. История, язык, литература. № 9. С. 29.

² Седов П. В. К изучению источников по истории отмены местничества // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26. С. 223.

Киселев Михаил Александрович — к.и.н., н.с. сектора локальной истории и истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: strateg-mk@rambler.ru

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0691 «Права, обязанности и статус дворянства в государственной политике, социальных представлениях и концепциях историко-политической мысли России XVIII в.».

Выражаю благодарность Т. А. Базаровой, главному ответственному хранителю Русской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, за неоценимую помощь при подготовке статьи.

³ Наумов В. П. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На Российском престоле: Монархи Российские после Петра Великого. М., 1993. С. 312.

⁴ См.: Вернадский Г. В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. 20. С. 51–59; Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состояниях подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х — начала 60-х годов XVIII в.) // Ист. зап. М., 1951. Т. 38. С. 237–240; Leonard C. S. Reform and regicide: the reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993. P. 48–62; Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...». Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51, № 2–3. P. 303–328.

которая была самым непосредственным образом связана с вопросом о правах и обязанностях дворянства, обсуждавшимся имперской элитой на рубеже 1750-х и 1760-х гг.

Комиссия о составлении нового Уложения была учреждена при Правительствующем Сенате после доклада П. И. Шувалова, прочитанного им 11 марта 1754 г. в Сенате в присутствии Елизаветы Петровны, а в июле того же года был утвержден состав Комиссии: в нее вошли «генерал-майор и генерал-рекетмейстер И. И. Дивов, вице-президент Юстиц-коллегии Ф. И. Эмме, статский советник Н. Безобразов, коллежский асессор В. Ляпунов, профессор Академии наук Ф. Г. Штрубе де Пирмонт и бургомистр Главного магистрата И. Вихляев».⁵

В плане Уложения, утвержденном в 1754 г., предполагалось написать во второй книге «о таких правах, которые подданным в Государстве по разному их состоянию персонально принадлежат».⁶ Уже к 1755 г. план был скорректирован, и вторая книга стала третьей.⁷ Работа над третьей книгой проекта Уложения активно велась в 1758–1759 гг. и оборвалась в 1760 г., когда в Комиссии произошли значительные кадровые изменения.⁸

Согласно плану 1754 г., вторая книга должна была содержать 21 главу. Сама идея закрепить в Уложении разные «состояния» носила новаторский характер по сравнению с Уложением 1649 г. и проектами Уложенных комиссий первой половины XVIII в. При этом новаторство в работе первого состава Комиссии было в определенной степени ограниченным. Так, составители плана, а затем и первой редакции проекта не сочли возможным выделить особую главу для определения того, что есть дворянство. Это объясняется влиянием сложившейся традиции. Если в отношении низших сословных групп можно было обнаружить элементы закрепления наследственного положения в Уложении 1649 г. (гл. XI «Суд о крестьянх», гл. XIX «О посадских людех», гл. XX «Суд о холопах»), то в отношении «дворянства» — нет. Члены первого состава елизаветинской Уложенной комиссии стремились сочетать предшествующее законодательство и современные им практики и представления. Например, в проекте во вторую книгу «О ро-

зыскных делах» была включена глава XXXXI «О бесчестях». Образцом для нее были статьи 27–99 главы X «О суде» Уложения 1649 г. Однако вместо перечня наказаний за бесчестие боярам, окольниковым, стольникам и т. д. теперь был помещен перечень из новых чинов, начиная с генерал-фельдмаршала. И если глава X Уложения 1649 г. предусматривала компенсацию для «всяких чинов людей, которые государевым денежным жалованьем верстаны» (п. 93), то проект вводил компенсацию для «шляхетства» по сословному признаку: «Всему состоящему в Нашем подданстве великороссийскому шляхетству, кои за не бытием за разными случаями в нашей службе рангов не имеют, править бесчестие против находящихся в армейских сухопутных полках прапорщиков» (п. 16).⁹

При составлении главы IV «О должности родительской» третьей книги Уложения ориентирование на предшествующее законодательство¹⁰ проявилось в полной мере. Пункты 2–9 были посвящены обучению недорослей, которые по достижении совершеннолетия были обязаны поступать на государственную службу. При этом они были определены как «дворянские, афицерские и секретарские дети (кроме однодворских, которых лантмилицию содержат)» (п. 2), т. е. фактически как дети потомственных и личных дворян.

В проекте были определены «смотр» для этих детей (в 7, 12, 16 и 18 лет), а также требования к их знаниям. К 7 годам мальчиков следовало обучить «российской грамоте, читать и писать», а также началам православной веры. По достижении 7 лет детям нужно было «являться и записываться в Санкт-Петербурге и в Москве у герольдмейстерских дел, а в губерниях губернатором, а в провинциях у провинциальных воевод, кому где способнее» (п. 2). Второй «смотр» — по достижении 12 лет — должен был проходить уже в Сенате или Сенатской конторе. На нем требовалось, чтоб дети «по последней мере уже действительно и совершенно грамоте читать и чисто писать обучены были». После этого с родственников нужно было взять обязательство обучить своих чад к следующему «смотру» догматам православной веры, арифметике и геометрии. В случае, если дети оказывались необученными грамоте или родственники не давали

⁵ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 220.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 2847. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 257.

⁸ См.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 234.

⁹ Проект уголовного уложения 1754–1766 годов. СПб., 1882. С. 150.

¹⁰ См.: ПСЗ. Т. 9. № 6949; Т. 11. № 8683, 8726.

обязательства в последующем их обучении, предписывалось их «определять, смотря по склонности, как в военную... так [и в] гражданскую службу и во определенные для наук в государственные академии и университет, при которых как для дворянства, так [и] для разночинцев учинены гимназии» (п. 3). Тех, кто к 16 годам успешно освоил арифметику и геометрию, что было бы засвидетельствовано на «смотре», предписывалось до 18 лет учить «фортификации, гистории и географии» дома или в государственных учебных заведениях (п. 4–5). В 18 лет должен был проводиться последний «смотр» дворянских недорослей «для определения их в службу» (п. 8). В главе перечислялись и санкции для нарушителей: если недоросль к 16 годам не был обучен арифметике и геометрии, то его следовало определить «в салдаты до выслуги» (п. 6). Самые суровые санкции предназначались тем, «которые до возраста нигде не явились и вышешипанным наукам не обучились». Их следовало «определять в салдаты или матрозы вечно, а престарелых, которые ни в какую службу не годны, посылать на поселение в Оренбург» (п. 9).¹¹ Кроме норм о воспитании великороссийских дворянских недорослей, в главе IV содержались пункты о воспитании купеческих детей (п. 10), смоленской шляхты и остзейского дворянства (п. 11–13), а также детей иноверцев (п. 17–20).¹²

Содержание главы IV показывает, что авторами проекта сохранялась обязательная дворянская служба, для отправления которой к недорослям предъявлялись довольно умеренные требования — читать, писать, знать арифметику и геометрию. Таким образом, этот проект не содержал предложений по радикальной реформе ни службы, ни образования.

Существенные изменения в работе Комиссии и, соответственно, в содержании проекта Уложения произошли после 1760 г., что было связано с изменением ее состава. 29 сентября 1760 г. по предложению генерал-прокурора Сената князя Я. П. Шаховского в состав Комиссии были включены сенатор Р. И. Воронцов (стал фактически ее председателем) и князь М. И. Шаховской. Затем «из ее состава выбыли А. И. Глебов, Ф. Штрубе де Пирмонт, И. Вихляев. На их место в состав Комиссии были привлечены, по представлению Р. И. Во-

ронцова и Я. П. Шаховского, А. Еропкин, ландрат Сиверс, ассессор Ден, А. Квашнин-Самарин».¹³ Отметим, что Р. И. Воронцов стал сенатором, а Я. П. Шаховской генерал-прокурором в результате так называемого «бюрократического переворота» 1760 г., одним из организаторов которого был И. И. Шувалов.¹⁴ О характере покровительственного отношения Шувалова к Воронцову свидетельствует письмо последнего от 5 января 1760 г. В нем Воронцов хлопотал о назначении своего сына Александра на вакантную должность российского посла в Испании, выражая надежду на поддержку Шувалова: «Я за болезнь мою не могу видеть Ваше превосходительство, но будучи уверен, что вы ту же самую милость и заочно мне окажете, которую всегда оказываете, для того в сем случаи всю мою надежду единственно на Вас полагаю. Сей надежды не истребляет во мне и то, что я еще никаких услуг не оказал Вашему превосходительству».¹⁵

Когда Р. И. Воронцов только начинал работать над проектом Уложения, 1 ноября 1760 г. И. И. Шувалов подписал доношение, которое лично подал в Сенат 3 ноября. В нем Шувалов довольно критически характеризовал современное ему дворянство и порядок вступления в службу: «Дворянские дети в таких летах, когда должно приготавливаться, чтоб быть годными к службе, в оную вступают, имея многие способы происходить по случаю, а не по достоинству». В связи с этим Шувалов предлагал провести реформу дворянского образования, которая должна была быть связанной с реформой дворянской службы. В проекте предлагалось «дворянским детям... до осмнадцати лет... учиться в Кадетском корпусе, в здешнем и Московском Университете и в других установленных школах, и потом, по безпристрастном экзамене, определить в службу по склонности и достоинству». При этом Шувалов не исключал варианта с домашним образованием при условии сдачи экзамена («при вступлении в службу должен был из учрежденных мест учения подать аттестат о своем знании»). По итогам обучения, «смотря по достоинству», дворянские дети должны были получать «обер-офицерския чины». Эта система должна была распространиться на

¹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. 1. Л. 27–32.

¹² Там же. Л. 32–38.

¹³ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 225.

¹⁴ Наумов В. П. Мемуары русских государственных и военных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 455.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

вступление не только в военную службу, но и в гражданскую. Так как существовавших учебных заведений было явно недостаточно, по проекту следовало «в знатных... городах учредить Гимназии, в которых бы обучали нужные Европейские языки и первыя основания наук», а в небольших городах — «школы, в которых будут обучать Русской грамоте, чистоту своего языка, арифметике и прочим первым основаниям». В результате должна была образоваться трехступенчатая система подготовки к службе: «Из оных школ молодые люди станут выходить в Гимназии, из Гимназиев в Кадетской Корпус, в Академию, в Университет; а из сих трех мест в действительную службу».¹⁶ В тот же день — 3 ноября 1760 г. — Сенат одобрил проект Шувалова, предписав последнему «сочинить штаты» будущих гимназий и школ.¹⁷ Следует отметить, что в Сенате наибольшим авторитетом пользовались генерал-прокурор Я. П. Шаховской и сенатор Р. И. Воронцов. Так, австрийский посол Мерси Аржанто писал в ноябре 1761 г.: «Эти два лица обыкновенно склоняют на свою сторону голоса других членов Сената».¹⁸ Можно предположить, что Шувалов, сыгравший важную роль в их карьере, мог рассчитывать на поддержку своих проектов.

И. И. Шувалов в своих замыслах не ограничивался только областью образования. В 1760–1761 гг. по повелению императрицы он составил для нее записку («для памяти»). Данная записка содержала ряд предложений по реформированию государственного устройства, включая проект манифеста о введении в России «фундаментальных законов» и их перечень из 16 пунктов. Отметим, что С. В. Польской на основании косвенных данных датирует эту записку второй половиной 1756 г.¹⁹ В то же время факты, упоминаемые в

записке, позволяют датировать ее более точно. Так, в ней Шувалов был назван генерал-адъютантом; также упоминалось поданное в Сенат доношение о «воспитании юношества» и о его «определении в службу».²⁰ В «генерал-адъютанты к Ея императорскому величеству» Шувалов был пожалован только 4 июня 1760 г.²¹ Упоминаемое в записке доношение было подано в Сенат 3 ноября 1760 г. Эту дату и следует принять за нижнюю границу написания записки. Кроме того, в ней предлагалось «в Москве учредить в Сенатской Конторе несколько сенаторов... дабы апелляционные челобитчиковы дела вершились, а Сенату оставили время для дел государственных».²² Вопрос о придании Сенатской конторе функции апелляционной инстанции («снабдить несколькими сенаторами... и уполномочить решать апелляционные челобитчиковы дела»), т. е. фактически предложение Шувалова, обсуждался Конференцией 6 апреля 1761 г. в присутствии Елизаветы Петровны.²³ Эту дату следует принять за верхнюю границу написания записки. Таким образом, шуваловский проект «фундаментальных законов» можно датировать началом ноября 1760 г. — началом апреля 1761 г.

Записка открывалась предложением «учредить при дворе один раз в неделю сенатское заседание», на котором должна была присутствовать сама императрица, а в случае ее отсутствия предполагалось делать ей доклад об итогах «собрания». При этом И. И. Шувалов считал необходимым привлечь к работе заседания наследника — великого князя Петра Федоровича, в присутствии которого следовало обсуждать наиболее важные проблемы внутреннего управления. Такая мера, помимо прочего, должна была, по мнению Шувалова, «возбудить» в наследнике «должную благодарность как к матери и государыне», дать «ему сходное с его рождением и достоинством» и «отъиметь случай приносить ему многия разных злых льстецов внушения». Это свидетельствует о том, что уже на рубеже 1760 и 1761 гг. Шувалов рассматривал в

¹⁶ В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. (Июль–сентябрь). М., 1858. Кн. 3, ч. 5. Смесь. С. 115–117.

¹⁷ Решение Сената на доношение куратора Московского университета Шувалова // Чтения в Императорском обществе... С. 119–121; ПСЗ. Т. 15. № 11144. С. 564.

¹⁸ Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. // Русская старина. СПб., 1880. Т. 28. С. 770.

¹⁹ См.: Польской С. В. Политические проекты И. И. Шувалова конца 1750-х — начала 1760-х годов // Философский век: альманах. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. СПб., 2000. С. 227, 228. На основании такой датировки С. В. Польской строит ряд рассуждений, которые следует признать неверными. См.: Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...». Р. 308.

²⁰ Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 82.

²¹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в с.-петербургском сенатском архиве, за XVIII век / сост. П. Баранов. СПб., 1878. Т. 3: 1740–1762. С. 432.

²² Бумаги И. И. Шувалова. Стб. 81.

²³ См.: Наумов В. П. Организация и внутривластная деятельность Конференции при высочайшем дворе (1756–1762 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 158, 159.

качестве преемника Елизаветы великого князя Петра Федоровича.

Далее Шувалов приводит перечень «главнейших государственных дел» для обсуждения, среди которых — «поспешать о сочинении Уложения» (п. 3), а также «учредить воспитание юношеству и определение в службу, особливо дворянству» (п. 12).

В следующей части записки содержится проект манифеста о введении в России «фундаментальных законов», за которым следуют «пункты фундаментальных законов». Дворянства касались 3 пункта из 16: в 13-м пункте заявлялось, что «впадшее в преступление дворянство теряет только конфискациею собственное нажитое собою имение, а не родовое», в 14-м предлагалось «от бесчестной политической казни дворянство свободить», а в 15-м — «дворянину служить 26 лет, считая от времени действительной службы его, то есть от 20 лет возраста».²⁴ Предполагаемый возраст начала службы был связан с предложениями Шувалова относительно реформы дворянского образования: к 20 годам молодому дворянину следовало приобрести соответствующие познания. Таким образом, заботясь об упорядочении и улучшении дел в империи, Шувалов касался также прав и обязанностей дворянства: его «фундаментальные законы» предполагали как сохранение обязательной службы, так и гарантии некоторых прав дворянства. Важно подчеркнуть, что это были именно *права дворянства*, пусть и весьма ограниченные. Предложения об обязательном обучении дворянства Шуваловым были поданы отдельно: скорее всего, он рассматривал их как временную меру, необходимую только для подъема уровня просвещения в среде дворянства.

7 апреля 1761 г. Уложенная комиссия начала «слушать» 3-ю часть проекта. Было решено исключить главу IV «О должности родительской». Комиссия определила по вопросу «обучения дворянства... сочинить особую главу», которую следовало «согласить» с проектом об образовании, поданным И. И. Шуваловым в Сенат. Особо было отмечено следующее: «Что же для обучения и посылки в чужия края, то дозволяется всему состоящему в подданстве шляхетству».²⁵ В отклоненном варианте главы IV позволение отправлять детей «для обучения в чужия края» касалось только

«Лифлянского и Эстлянского шляхетства и рыцарства и протчих завоеванных губерней и провинций обывателем».²⁶

Таким образом, на заседании 7 апреля 1761 г. была частично определена направленность работы Комиссии: во-первых, был взят курс на расширение дворянских прав; во-вторых, была обозначена необходимость учета позиции И. И. Шувалова. Это было вполне понятно: в 1761 г. Шувалов являлся одной из самых влиятельных персон при дворе Елизаветы Петровны. Этот факт ставит под сомнение изображение деятельности Уложенной комиссии как противоборства «группировок» Шуваловых и Воронцовых. В связи с этим следует привести наблюдение В. П. Наумова о Конференции: «Лидерами Конференции являлись М. И. Воронцов и П. И. Шувалов, первый из которых руководил деятельностью учреждения в дипломатической сфере, а второй сохранял приоритет в решении внутриполитических и военных дел. Предпринимавшиеся в историографии попытки представить Конференцию как арену борьбы группировок Шуваловых и Воронцовых не имеют реальных оснований, тем более, что факт существования второй из них кажется весьма сомнительным».²⁷ Равным образом следует признать не имеющими реальных оснований и представления об Уложенной комиссии как арене борьбы «группировок» Шуваловых и Воронцовых.

К концу 1761 г. значительная часть третьей книги проекта Уложения была завершена, в том числе и глава IV об образовании, сохранившая свое прежнее название «О должности родительской». Однако, как и было запланировано Комиссией, главу полностью посвятили образованию дворянских недорослей, причем обнаруживается ее тесная связь с шуваловскими проектами. Первая редакция главы состояла из 7 пунктов, которые — иногда дословно — воспроизводили шуваловский проект о реформе дворянского образования. Фактически первая редакция была своеобразной заготовкой на основе проекта Шувалова. Затем в ходе редактирования главу расширили до 12 пунктов. Вторая редакция, судя по сохранившейся части беловика, была итоговой.

Первые три пункта главы не содержали нормативных предписаний. В первом пункте

²⁴ Бумаги И. И. Шувалова. Стб. 79–85.

²⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 42. Л. 111.

²⁶ Там же. Д. 63. Ч. 1. Л. 330б.

²⁷ Наумов В. П. Организация и внутриполитическая деятельность Конференции... С. 190.

констатировалась значимость образования: «Важнейшая и нужнейшая часть общего благополучия состоит в пристойном воспитании детей, и для того должно оно почитать за первое государственное попечение... От воспитания единственно зависит быть полезным и вредным отечеству». Во втором пункте указывалось, что, несмотря на попытки Петра I «открыть свободной путь наукам и художествам» и старания его наследников, «государство больше воспитанными в невежестве и подлых нравах и обычаях наполнено».²⁸

Для исправления сложившейся ситуации предлагалось ввести, в соответствии с проектом И. И. Шувалова, новый порядок обучения дворянских детей. Следовало «положенной... молодым дворяном в Герольдмейстерской канторе на разные сроки явки и в нашем Сенате смотры вовсе отставить», а вместо этого дворянам «объявить» своих детей по достижении 6-летнего возраста «губернаторам и провинциальным воеводам». Соответствующие списки, составленные по результатам таких детских смотров, надо было направить в Герольдмейстерскую кантору «для взносу в шляхетной список или Матрикул». Затем детей следовало отправить в учебные заведения. Для имеющих «достаток» предусматривалась возможность домашнего обучения, но с условием, чтобы нанимаемые «учители были люди достойные, и всех тех наук, которым молодых людей по нижеписанному обучать должно, совершенно знающие» (п. 4).²⁹

Как и в проекте И. И. Шувалова, в главе IV предлагалось установить трехступенчатую систему образования. Первая ступень — это школьное образование, где следовало обучать «русския грамоте и чистому [письму — М. К.] российского языка, арифметики и православной веры правилам» (п. 5). Помимо основ наук, от школ требовалось заложить «первое основание» в «пристойном поведении и в добрых нравах и обычаях, а паче в вежестве и *пристойном их природе обхождении* (выделено нами — М. К.)» (п. 6). После школы, «когда молодые люди... в оных порядочно обучены и в том от учителей их свидетелствованы», недорослей следовало «вывести в гимназии, а из гимназиев по такому ж верному свидетелству в шляхетные кадетские корпуса, академии и университеты». В учебные заведения тре-

тью ступени также должны были поступать дети, получившие домашнее образование. По итогам обучения в данных заведениях молодые люди должны были сдать к 20 годам «беспристрастный экзамен», после чего следовало «определить их в службу военную и гражданскую по склонности и достоинству, в которые кто быть желает, и дать им обер-офицерские чины». При этом надлежало «накрепко смотреть, чтоб те, которые в своих науках паче других преуспели, прежде и выше в чины произведены были» (п. 7). Отметим, что для завершивших обучение «в школах и гимназиях» предусматривалась возможность продолжить образование за границей, при условии получения разрешения и предоставления порук (п. 11).³⁰

В проекте главы IV, кроме ситуации в области образования, критике подвергались существующие практики вступления дворянских детей в службу: «Многие дворянские дети поныне в таких летах, когда должно приготавливаться, чтоб быть годному к службе, в оную вступать, сыскав разные способы происходить по случаю, а не по достоинству, записываются в гвардию и в другие команды десяти и менее лет и, живучи дома, получают чины ундер-офицерские» (п. 8).³¹ Такая критика близка мыслям И. И. Шувалова, которые он изложил в небольшой недатированной записке. В ней он писал, что «все родители и родственники» заботились о «доставлении принадлежащим им молодым людям чинов, а не должного учения, сходного с их рождением и пользою общею». По этой причине почти все дворяне предпочитали записывать своих детей «в гвардии полки». При этом «все знатное и достойное дворянство определяется в гвардию», а в кадетском корпусе, где, в отличие от гвардии, было обучение, «никого нет, кроме самых бедных, и за кем сто душ, то уже богатым почитается».³²

Авторы нового — «воронцовского» — проекта Уложения исходили из того, что дворяне должны получать чины «по одному достоинству». Собственно, поэтому в пункте 8 указывалось, что дворянские дети должны вступать в службу только по достижении 20 лет (как было предусмотрено в шуваловском проекте «фундаментальных законов») и после сдачи экзамена («по свидетелству и по

²⁸ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. 1. Л. 58–58об.

²⁹ Там же. Л. 59об., 61.

³⁰ Там же. Л. 61–67об.

³¹ Там же. Л. 66.

³² Бумаги И. И. Шувалова. Стб. 70.

достоинству»), чтобы они «имели к наукам лучшее рвание». Требование получения такого образования сочеталось с представлениями об особом, «породном» достоинстве дворян. Вводимая система, по аргументации авторов, должна была привести к тому, что «выучась по примеру протчих Европейских государств», дворянин «по науке и достоинству прямо *сходные [с] их рождением* [(выделено нами — М. К.) обер-офицерские чины получать имеет, не служа салдатами и ундер-офицерами, а в штатской службе нижними канцелярскими чинами, которые чины салдатами и разночинцами и тому подобными не из дворянства людьми болше наполнять должно» (п. 8).³³ Для тех же, кто по итогам обучения был «произвождения не достоин», предусматривались санкции — «по свидетельству написать до выслуги в салдаты и матрозы» (п. 12).³⁴ Таким образом, происходил своеобразный синтез государственного и сословного интереса: государство получило бы образованных чиновников и офицеров, а представители дворянства заняли бы подобающее им по рождению место в управлении.

Глава о дворянском образовании была непосредственным образом связана с главой XXII «О дворянах и их преимуществе», которой предшествовал проект, состоящий из 12 пунктов, составленный, скорее всего, Р. И. Воронцовым. По крайней мере, этот документ сохранился в его бумагах, связанных с работой над проектом Уложения.

«Воронцовский» проект главы XXII, помимо прочего, предполагал ликвидировать возможность для недворян получить наследственный дворянский статус. Как известно, в Табели о рангах, освященной авторитетом Петра I, содержалось положение о приобретении недворянином наследственного статуса с момента получения обер-офицерского чина. Автор проекта, приняв во внимание значимость «возстановителя отечества» (по выражению И. И. Шувалова), не решился открыто отменить данное положение. Чтобы закрыть доступ к наследственному дворянству неблагородным, он предпринял обходной маневр, использовав петровский указ от 31 января 1724 г., который запрещал, за некоторыми исключениями, производить в секретари недворян. В «воронцовском» проекте такая норма

распространялась и на военную службу: «Во все военные и статские чины, считая в военных от прапорщика, а в статских от секретаря, кроме дворян впредь не производить». Такое «преимущество» перед «другими нешляхетной породы» давалось «не для одной природы, но наипаче для приобретенного воспитанием и обучением превосходства». В связи с этим указывалось, что «дворянству наиглавнейшее свое старание в том полагать, чтоб их дети с малых лет в добродетельных нравах и пристойных науках таким порядком воспитаны и обучаемы были, как ниже сего в главе о воспитании детей пространнее показано» (п. 8).³⁵ Это вполне согласовывалось с образовательным проектом И. И. Шувалова, согласно которому низшие должности предназначались для недворян, а образованные дворяне должны были начинать службу сразу с обер-офицерских чинов.

Определенное исключение было все же предусмотрено для «ученых людей, которые... отменным прилежанием своим в науках такие себе приобрели успехи, что они произведены в профессеры и докторы». Автором проекта допускалось почитать таких людей «за равных дворянам». При этом на их детей такое «почтение» не распространялось (п. 3).³⁶

«Воронцовский» проект стал основой для первой редакции главы XXII из 13 пунктов.³⁷ В процессе работы над содержанием главы возникла вторая ее редакция из 16 пунктов. Предложенный в первой редакции новый подход к чиновничеству и получению наследственного дворянства был признан радикальным. «По разсуждению комиссии» в первой редакции проекта главы XXII был записан 4-й пункт. В нем отмечалось, что недворян, «кои впред по знатным заслугам или по полезным нашему Государству наукам в такие чины», т. е. обер-офицерский в военной службе и коллежского секретаря в штатской, «произведены будут», следовало «персонально за равных дворянам почитать». При этом им запрещалось пользоваться «дворянскими преимуществами», а само «почтение» не распространялось на их детей. Правда был допущен вариант получения от монарха «по их отменным заслугам на дворянское достоинство патент».³⁸

³⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 380. Л. 560–560об.

³⁶ Там же. Л. 556.

³⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 62. Ч. 2. Л. 392–399.

³⁸ Там же. Л. 393об.–394.

³³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. 2. Л. 66–66об.

³⁴ Там же. Л. 67об.

Пункт 4 явно вступал в противоречие с другим пунктом этой же главы — девятым, который воспроизводил пункт 8 «воронцовского» проекта. В связи с этим уже при работе с беловиком второй редакции (этот документ был введен в научный оборот С. В. Польским³⁹), еще при жизни Елизаветы Петровны, пункт 9 подвергся редакции. В новом варианте, записанном Р. И. Воронцовым на полях этого беловика, заявлялось, что недворян можно «производить» в соответствующие ранги, только при этом «правами не ползватца, разве кто в военной дослужитца генерал-аншефом, а в штацких тайным действительным советником, тем и их детям законнорожденным правом дворянским ползватца и вносить к Нам дипломы на дворянское достоинство».⁴⁰ Таким образом, для неблагородных предполагалось оставить возможность максимального карьерного продвижения, но при этом создать очень большие затруднения на пути приобретения ими наследственного дворянства. В результате дворянство должно было стать фактически замкнутым и по-настоящему «природным» сословием, т. е. дворянством по происхождению.

Восшествие на престол Петра III 25 декабря 1761 г. должно было самым непосредственным образом сказаться на государственной политике, в том числе и в отношении дворянства. Как вспоминал Я. Штелин, Петр еще в свою бытность великим князем «часто говорил» о даровании «русскому дворянству свободы служить или не служить».⁴¹ Будучи 17 января 1762 г. в Сенате, Петр III объявил сенаторам, что он «из высочайшей своей к верноподданым отеческой милости соизволил дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают, а когда военное время будет, то они все явиться должны на таком основании, как и в Лифляндии с дворянами поступаетца, о чем, с обстоятельством сочиня формуляр, поднести к высочайшему... подписанию».⁴² 8 февраля 1762 г. сенаторы подписали формуляр Манифеста «о волности и свободе всему российскому дворянству», который следовало поднести императору.⁴³ 18 февраля он был подписан императором.

³⁹ См.: Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...». Р. 318.

⁴⁰ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 380. Л. 566об.

⁴¹ Штелин Я. Записки о Петре III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 35.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Д. 3426. Л. 283.

⁴³ Там же. Д. 3427. Л. 134.

Согласно утвержденному тексту, дворянству в «потомственные роды» жаловали «вольность и свободу» служить и не служить, а сам Манифест провозглашался «на вечные времена фундаментальным и неперменным правилом», «сохранение» которого должно было стать «непоколебимым утверждением самодержавного всероссийского престола». В то же время пункт 7 предписывал «для единственного только сведения объявлять в 12 лет» детей дворян «в Герольдии, в Губерниях, Провинциях и городах, где кому выгоднее и способнее». При этом следовало «от родителей или от сродников их, у кого оные в смотрении, брать известии, чему они» к 12 годам «обучены и где далее науки продолжать желают». При наличии достатка родителям молодых дворян предоставлялась возможность сделать выбор места обучения. В то же время составители Манифеста считали важным, чтобы все дворяне получили соответствующее образование. Так, от имени императора заявлялось, «чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному Дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким Нашим гневом». Исходя из этого, в пункте 7 делалось следующее предписание: «Всем тем Дворянам, за коими не более 1 000 душ крестьян, объявлять детей своих прямо в Нашем Шляхетном Кадетском Корпусе, где они всему тому, что к знанию благородного Дворянства принадлежит... обучаемы будут, а по изучении всякой по его достоинству с награждением чинов выпустится».⁴⁴ Вводя свободу службы для дворянства, Манифест сохранял элементы обязательного образования для благородных недорослей. Однако намеченная им программа была фактически свернута после свержения Петра III. Воцарение Екатерины II открывало новый этап споров о том, что такое дворянство.

Проект Уложения, над которым работали в 1750–60-е гг., в царствование Елизаветы Петровны, ни в одной из своих частей и редакций не предполагал отмены обязательной дворянской службы. Более того, проект, подготовленный «воронцовским» составом Комиссии, предусматривал введение трехступенчатой системы обязательного образования для дворян. Именно эта идея необходимости образования для дворян связала работу Уложенной комиссии с созданием Манифеста, а не «идея

⁴⁴ ПСЗ. Т. 15. № 11444. С. 912–914.

вольности», которая в Комиссии не обсуждалась. В то же время обязательное для дворян образование связывалось с возможностью получить новые преимущества, прежде всего — исключительный наследственный статус, который было бы почти невозможно приобрести недворянам. Таким образом, понятие «дворянство» становилось действительно «естественной» социальной категорией. При этом вопрос о государственной службе, о ее обязательности для дворян в том или ином виде обсуждался и решался как во второй половине XVIII в., так и в начале XIX в.

Такая проблематика ставит перед нами вопрос сочетания «государственного» и сословного интересов в имперском управлении. Российское государство еще с конца XV в. можно рассматривать — по преимуществу — как организацию наследственного правящего землевладельческого класса (для XVIII в. он определяется как «дворянство»), который был централизован и сплочен вокруг фигуры монарха. Российское самодержавие во многом было результатом социального сотрудничества в рамках правящего класса.⁴⁵ При этом аппарат управления в России XVII–XVIII вв. выполнял, наряду с другими, функцию

корпоративной структуры для правящего класса. Принимая это во внимание, для XVIII в. нельзя говорить о дворянстве и государстве как о двух независимых сущностях, противостоящих друг другу. В то же время «государственный» интерес как интерес всеобщий, как «общее благо» был больше, чем частные интересы сословных групп. В результате, например, И. И. Шувалов и Р. И. Воронцов были одновременно и представителями дворянства, и деятелями государства, которые максимально стремились сбалансировать «государственный» интерес и права дворянства. «Разделительная линия» между «государственным» и сословным интересами превращалась в область сотрудничества правящего дома (монарха) и правительства как с дворянством, так и с другими сословными группами. В то же время сам факт наличия различных интересов создавал возможность использования ресурса «государственного» интереса и выходцами из недворянских сословных групп. Более того, такая «разделительная линия» могла стать областью раскола между дворянством и «государством», что создавало «(об)основание для строительства» бюрократического государства.

Ключевые слова: *И. И. Шувалов, Р. И. Воронцов, Петр III, Манифест о вольности дворянской, российское дворянство, история Российской империи*

Mikhail A. Kiselev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *strateg-mk@rambler.ru*

PROBLEM OF RIGHTS AND RESPONSIBILITIES OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE LEGISLATIVE (ULOZHENNAYA) COMMISSION AT THE TURN OF THE 1750s AND THE 1760s: THE HISTORY OF THE MANIFESTO ON THE FREEDOM OF NOBILITY

The paper deals with the discussion of the rights and responsibilities of the nobility by the Russian ruling elite in the 1750s and the early 1760s. The author studied the materials of the Legislative Commission on organization of new education system for the nobility; it is demonstrated that during the reign of Elizabeth I the government had no intentions of abolishing mandatory service of the nobility; moreover a system of compulsory education for the nobility was to be introduced. At the same time the reform also offered additional service privileges for the nobility. Thus the provision of the Manifesto on the Freedom of Nobility of 1762 abolishing the mandatory service of the nobility was not a direct result of the work of the Legislative Commission. However both the Commission and the Manifesto shared an understanding of the concept of “nobility” as the category structuring the battlefield (and cooperation ground) for the social hierarchy, and the issue of the government service was one of the components of this contention/cooperation.

⁴⁵ Ср.: Beik W. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past and Present. 2005. № 188. P. 195–224.

Key words: *I. I. Shuvalov, R. I. Vorontsov, Peter III, Manifesto on freedom of the nobility (1762), Russian nobility, history of the Russian Empire*

REFERENCES

- Beik W. Past and Present, 2005, № 188, pp. 195–224. (in English).
- Leonard C. S. Reform and regicide: the reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1993, 232 p. (in English).
- Naumov V. P. *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow: fond Sergeya Dubova Publ., 1998, pp. 449–472. (in Russ.).
- Naumov V. P. *Na Rossiyskom prestole: Monarkhi Rossiyskie posle Petra Velikogo* [In the Russian throne Russian monarchs since Peter the Great]. Moscow: Interpraks Publ., 1993, pp. 283–326. (in Russ.).
- Naumov V. P. *Organizatsiya i vnutripoliticheskaya deyatelnost Konferentsii pri vysochayshem dvore (1756–1762 gg.): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The organization and the domestic activities of the Conference at the imperial court (1756–1762 gg.): dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow: MGIAI Publ., 1991, 208 p. (in Russ.).
- Polskoy S. V. Cahiers du monde russe, 2010, Vol. 51, № 2–3, pp. 303–328. (in French, English).
- Polskoy S. V. *Filosofskiy vek: almanakh* (Philosophical Age: Almanac). St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy tsentr istorii idey Publ., 2000, Issue 13, pp. 225–231. (in Russ.).
- Rubinshteyn N. L. *Istoricheskie zapiski* (Historical Records), 1951, Vol. 38, pp. 208–251. (in Russ.).
- Sedov P. V. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Leningrad State University), 1985, Issue 2, № 9, pp. 25–29. (in Russ.).
- Sedov P. V. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1998, Vol. 26, pp. 209–223. (in Russ.).
- Shtelin Ya. *Ekaterina. Put k vlasti* [Catherine. The path to power]. Moscow: Fond Sergeya Dubova Publ., 2003, pp. 9–50. (in Russ.).